

РЕТИВЫЕ ИСПОЛНИТЕЛИ.

Въ царствованіе Императора Павла.

I.

Современники ¹⁾ и позднѣйшіе изслѣдователи Павловскаго времени увѣряютъ, что кратковременное суровое это царствованіе тяжело отзывалось лишь на приближенныхъ въ столицѣ и совсѣмъ-де не имѣло вліянія на прочее населеніе въ имперіи. Между тѣмъ въ архивахъ найдется немало бумагъ, которыя, наоборотъ, показываютъ, что это страшное правленіе ложилось непосильнымъ гнетомъ на жителей Россіи, особенно глухихъ городовъ, гдѣ власть имущіе, пользуясь случаемъ и отдаленностью отъ Петербурга, какъ говорится, подъ шумокъ, производили всевозможныя самоуправства и насилія, иногда, впрочемъ, и не по собственному вчинанію.

Въ Январѣ 1798 г., по высоч. повелѣнію, ген.-прокуроръ кн. А. Б. Куракинъ прислалъ Астраханскому губернатору т. с. Аршеневскому ²⁾ „примѣрное положеніе издержкамъ на полковныя надобности“, по которому должно было „приступить къ удовлетворенію требованій воинскихъ командъ“, предписывая при этомъ, чтобы губернаторъ, „не упущая времени, учинилъ расчисленіе, сколько слѣдовало таковыхъ суммъ собрать со всѣхъ обывателей, въ городахъ Астраханской губерніи обитающихъ, соразмѣрно числу войскъ, на непремѣнныхъ квартирахъ въ той губерніи расположенныхъ ³⁾. По сдѣланному „расчисленію“ причиталось съ жителей г. Астрахани — „Россійскихъ“ 49,106 руб. 2 коп. и со всѣхъ прочихъ „незаписавшихся по городовому положенію“ обывателей, большинство изъ коихъ были Армяне, 12,320 руб. 11 коп. Деньги эти губернаторъ предписалъ (5 Апрѣля) городовому магистрату и „общему суду Азіянъ“ доставить „непремѣнно

¹⁾ Какъ, напримѣръ, декабристъ Фонвизинъ въ своихъ „Запискахъ“, изданныхъ въ Лейпцигѣ въ 1859 г.

²⁾ Николай Яковлевичъ Аршеневскій, бывшій до того Нижегородскимъ губернаторомъ, правилъ Астраханской губерніей съ 1796 г. по Іюль 1798 г.

³⁾ Изъ дѣлъ Астрах. Губерн. архива за 1798 г., № 44/80.

въ двѣ недѣли“, сообщивъ въ тоже время о „понужденіи ихъ къ тому“ коменданту генераль-маіору Геденову. Но, конечно, въ короткій срокъ невозможно было произвести столь большой сборъ. „Въ облегченіе городскихъ жителей“ князь Куракинъ въ концѣ Мая разрѣшилъ „расположить“ сборъ помѣсячно, начиная съ 1 Апрѣля. По этому расчету жившіе въ Астрахани Армяне должны были вносить каждый мѣсяць 1110 руб. 1 коп., и къ 1 Августа, согласно требованія Аршеневскаго, представить въ Астраханское уѣздное казначейство 4440 р. 4 к. Къ Юню Армяне собрали 2,000 руб. и, навѣрно, въ назначенный срокъ успѣли бы собрать остальныя деньги; но губернаторъ, не дождавшись имъ же назначеннаго времени, по прибытіи въ Астрахань новаго коменданта генераль-лейтенанта Николая Федоровича Ртищева, 5 Юня, увѣдомилъ послѣдняго, что на Астраханскихъ жителей положенъ сборъ и что онъ, Аршеневскій, „за истеченіемъ срока никакого въ томъ сборѣ успѣха не усматриваетъ, а между тѣмъ всевысочайшая Его Императорскаго Величества воля остается неисполненною“, почему и просилъ „понудить Астраханскій магистратъ и общій Азіанъ судъ къ немедленному сбору причитающихся на каждое общество суммъ, и объ успѣхѣ его увѣдомить“. Получивъ такое отношеніе, комендантъ „почелъ должностію выполнить его въ точности“. 8 Юня онъ призвалъ къ себѣ членовъ городского магистрата и Азіатскаго суда и настойчиво требовалъ взноса денегъ. Члены, хотя считали себя обязанными уплатить слѣдующія съ ихъ обществъ суммы, но, зная распоряженіе князя Куракина и разрѣшенную отсрочку до Августа, были въ нерѣшительности, какъ поступить и чтѣ Ртищеву отвѣчать. Страннымъ казалось, что губернаторъ имъ предписывалъ одно, а коменданту „предлагалъ“ другое. Денегъ собрано не было, и городскіе выборные просили отсрочки; но комендантъ рѣшительно заявилъ:

„Мой долгъ взыскивать, вашъ долгъ платить. Даю вамъ сроку недѣлю. Ежели послѣ того исполненія не увижу, то донесу Государю Императору“.

Недѣля протекла быстро. За это время городъ, конечно, не успѣлъ собрать или хотя бы занять всю сумму. Тогда комендантъ самъ явился въ магистратъ съ требованіемъ денегъ, но такъ какъ ихъ не было въ наличности, то онъ въ своемъ присутствіи „велѣлъ“ свое „требованіе записать въ журналъ“. Потомъ поѣхалъ въ общій Азіатскій судъ „и тамъ учинилъ тоже“.

„Желаете вы платить сіи деньги?“ грубо обратился онъ къ судьямъ. „Всеусердно желаемъ, ваше превосходительство, и имѣемъ

уже въ готовности 2,000 рубл., но не знаемъ куда ихъ дѣвать, ибо до сихъ поръ не получили на то соотвѣтствующаго повелѣнія“.

„Я знать ничего не хочу“, отрѣзалъ комендантъ, чтобы къ четыремъ часамъ всѣ деньги мнѣ были представлены.

Ртищевъ уѣхалъ. Армяне, посовѣтовавшись между собой, рѣшили отвезти собранныя 2,000 рубл. ему на домъ, но комендантъ ихъ не принялъ и приказалъ отдать губернатору, а самъ „ту же минуту донесъ рапортомъ Государю Императору все происшествіе въ подробности“.

Это было 15 Іюня. Губернаторъ хотя взялъ принесенныя ему Армянами деньги, однако черезъ два дня отослалъ ихъ обратно въ судъ, предписавъ сдать ихъ въ Казенную Палату (что и было исполнено 22 числа).

Между тѣмъ „черезъ обыкновенное оборота почты время“ на имя Ртищева послѣдовалъ высочайшій рескриптъ, которымъ повелѣвалось „расположить полкъ въ дома ослушниковъ“. Комендантъ исполнилъ это повелѣніе съ замѣчательной жестокостью.

„19 Іюля въ 4 часа пополуночи“, когда весь городъ покоился сномъ безмятежнымъ, въ дома богатыхъ купцовъ Русскихъ и Армянскихъ явились вооруженные солдаты, подъ начальствомъ штабъ и оберъ-офицеровъ, и начали ломиться въ двери, неистово стучали въ окна, „производя необычайный шумъ“. Солдаты кричали и безобразничали, а офицеры надрывались еще больше своихъ подчиненныхъ. Жители перепугались до невозможности.

„Когда я,—рассказываетъ одинъ изъ пострадавшихъ, Армянинъ Калустовъ *), разбуженный шумомъ многочисленныхъ голосовъ, придя въ робость, открылъ окно, то увидѣлъ на своемъ дворѣ маіора Булыгина съ ротой вооруженныхъ солдатъ. Маіоръ кричалъ: „Отворяй двери отъ покоевъ!“ Увидя такое „множество солдатъ“, дѣти мои „испугались почти до полусмерти и съ плачемъ и воплемъ бѣжали въ другіе покои“; моя сноха, „которая три мѣсяца была больна“, „пришла въ отчаяніе жизни“; самъ я перепугался до того, что „чуть парализъ меня не ударилъ“.

Не зная за собой никакой вины, Калустовъ „возымѣлъ смѣлость“ спросить маіора, зачѣмъ онъ пришелъ?

„Такъ комендантъ приказалъ, грубо отвѣтилъ Булыгинъ“.

*) См. въ дѣлѣ 44/80 его прошеніе на имя генераль-прокурора, 27 Іюля 1798 г.

„Ежели солдаты присланы для постоя“, продолжалъ Калустовъ, я имѣю „три хорошихъ каменныхъ постоялыхъ дома и одну казарму; ведите ихъ туда“. Но маіоръ одно кричалъ: „Отворяй двери!“ Полураздѣтый, въ одной рубашкѣ, хозяинъ принужденъ былъ исполнить строгое приказаніе. „Веди, гдѣ у тебя лучшія комнаты!“ Калустовъ, ничего не понимая, указалъ „большую залу, коя вся мебельми была убрана на немалую сумму“. Маіоръ въ сопровожденіи тридцати девяти солдатъ ввалился туда.

„Позвольте!“ „съ учтивостью“ обратился къ Булыгину Калустовъ, „зачѣмъ же ихъ ведете въ „горницы?“

„А затѣмъ, что ты долженъ въ казну деньги и до сей поры не заплатилъ“.

„Но я не долженъ ни казнѣ и никому другому“.

„Покажи квитанцію!“ заоралъ на него маіоръ.—„Ваше Армянское общество должно платить казнѣ 12,320 руб.“.

„Что слѣдуетъ съ меня я заплатилъ, только не успѣлъ еще получить росписки, какъ и многіе нашего общества люди“.

„До тѣхъ поръ пока ты мнѣ не представишь квитанціи, я тебѣ не повѣрю и постоя съ твоего дома не сниму“, отвѣтилъ Булыгинъ и велѣлъ солдатамъ составлять въ залѣ ружья „и сѣсть на канапѣ“.

Тридцать девять человѣкъ остались въ этомъ домѣ, а съ тридцатью другими маіоръ отправился въ находившійся противъ домъ брата Калустова, гдѣ, не взирая на то, что хозяинъ только за двѣ недѣли передъ тѣмъ перенесъ тяжкую болѣзнь, „учинилъ“ тоже самое“.

Можно судить, что испытала въ это время семья сего послѣдняго, вновь заболѣвшаго отъ такой неожиданности „ослушника“; и вообразите, какой переполохъ надѣлала столь крутая мѣра выбиванія денегъ. „Астрахань,— говоритъ современникъ *),— въ это время представляла видъ плѣннаго города, гдѣ воины, разсыпаясь по домамъ, все наполняли ужасомъ; ибо здѣсь даже того хозяину не позволяли, чтобъ онъ перешелъ въ другой покой, но велѣно жить вмѣстѣ съ солдатами. Охальничество и поведеніе солдатское по симъ хорошо убраннымъ мебелированнымъ комнатамъ производило ужасъ и содроганіе. Вотъ

*) Протоіерей Ник. Скопичъ. См. его „Записки дневныя“ въ „Саратовскомъ Историческомъ сборникѣ“.

какъ вынуждаютъ контрибуцію! И по неволѣ отдашь то, что имѣешь, послѣднее. Отъ сего по всему городу разсѣялось уныніе. Такая строгость приводитъ въ недоумѣніе всѣ умы“.

На другой день купцы внесли въ казначейство часть денегъ, а 24 Іюня уплатили всѣ остальные. Однако, когда коменданту были представлены въ этой уплатѣ квитанціи, онъ не принялъ ихъ „въ резонъ“, а отослалъ губернатору, который также не счелъ нужнымъ удостовѣриться, дѣйствительно ли деньги внесены сполна, и не освободилъ горожанъ отъ тягостнаго постоя“.

„И солдаты по нынѣ въ домахъ нашихъ и въ тѣхъ самыхъ покояхъ, гдѣ мы бываемъ и дѣла свои отправляемъ, съ нами живутъ вмѣстѣ“, жаловались потомъ горожане. Дома приведены въ безобразность, какъ-то: иные (солдаты) на полахъ моются, другіе трубку курятъ и горѣлый табакъ на полъ высыпаютъ, иные сѣмена и корки дынь и арбузовъ бросаютъ, гдѣ хотятъ, и разными неприличностями поступаютъ и несносное притѣсненіе чинятъ, чего всего въ подробности и описать не можно, а натура человѣческая не можетъ такового притѣсненія и непристойности видѣть и терпѣть“ ¹⁾.

Прибывшій въ Астрахань (28 Іюля) новый губернаторъ, д. с. с. И. С. Захаровъ ²⁾, хотя „облегчилъ“ положеніе гражданъ, но также окончательно „не освободилъ ихъ отъ постоя“. Тогда члены Азіатскаго суда принесли новому ген.-прокурору жалобу. П. В. Лопухинъ потребовалъ отъ Захарова объясненія. Въ огражденіе себя и Ртищева, губернаторъ ³⁾ представилъ дѣло въ иномъ видѣ, чѣмъ о томъ писали Астраханцы, обвинивъ во всемъ Городовой Магистратъ и Азіатскій Судъ и при этомъ увѣривъ Лопухина, что, какъ только „всѣ суммы собраны и внесены въ Казначейство, послѣ сего, нимало не медля, экзекуція была снята и каждый гражданинъ остался спокоенъ, кромѣ обыкновенныхъ солдатскихъ постоевъ, которые, по неимѣнію здѣсь казармъ, и до нынѣ въ домахъ ихъ, по распоряженію коменданта, остаются“.

Можетъ быть, по обыкновенію, и это дѣло кончилось бы ничѣмъ, но за своихъ единовѣрцевъ вступился архіепископъ Русскихъ Армянъ, извѣстный Іосифъ, князь Аргутинскій-Долгорукиѣ ⁴⁾, пользовавшійся

¹⁾ Изъ прошенія Калустова генераль-прокурору.

²⁾ Изъ Бѣлорусскихъ вице-губернаторовъ, назначенъ въ Астрахань указомъ 22 Апрѣля 1798 г.

³⁾ Письмомъ отъ 26 Октября 1798 г., за № 1275.

⁴⁾ Впослѣдствіи Католикосъ Эчміадзинскій.

большимъ расположеніемъ императора Павла. Будучи въ Петербургѣ, при удобномъ случаѣ онъ доложилъ всѣ подробности Астраханской экзекуціи Государю, и Ртищевъ былъ смѣненъ, а на его мѣсто 15 Ноября былъ присланъ генераль Талызинъ ¹⁾, человекъ, однако, тоже мало отличившійся мягкосердечіемъ. О немъ, напримѣръ, рассказываютъ ²⁾ такой характерный случай.

Одинъ офицеръ позволилъ смѣнившемуся съ часовъ и перезябшему отъ мороза солдату выпить рюмку вина. Талызинъ, прійдя въ казарму и обойдя всѣхъ солдатъ, замѣтилъ офицеру: „У васъ одинъ солдатъ пьянъ“. Капитанъ, зная о комъ идетъ рѣчь, прямо на чистоту рассказалъ коменданту „всю исторію, какъ она была“. Талызинъ всплилъ сильнымъ гнѣвомъ, видя въ этомъ поступкѣ нарушение закона: тотчасъ же приказалъ капитана арестовать, а солдата на другой же день прогналъ сквозь строй.

Такова была тогда строгость, граничившая съ безчеловѣчіемъ. Однако и въ это суровое время не могъ быть терпимъ такой рьяный исполнитель закона: черезъ три мѣсяца Талызинъ былъ смѣненъ ³⁾ и на его мѣсто въ Февралѣ слѣдующаго года прибылъ въ Астрахань болѣе мягкій человекъ генераль-маіоръ князь Николай Юрьевичъ Урусовъ.

II.

Смѣна ненавистныхъ комендантовъ, навѣрно, была пріятна многимъ Астраханцамъ, хотя далеко не облегчила ихъ участи, такъ какъ дома горожанъ попрежнему разрушались безобразнымъ солдатскимъ постоемъ. Чтобы избавить жителей отъ этого непосильнаго ига, высочайше было повелѣно построить въ Астрахани каменные казармы. Обсуждая эту благодѣтельную монаршую волю, городская дума, вмѣстѣ съ выборными отъ купцовъ и мѣщанъ, въ Февралѣ 1799 года рѣшила, до выстройки „оныхъ“, нанять подъ постой воинскихъ чиновъ „партикулярные“ дома, на что предложила ассигновывать ежегодно по 10,000 руб. Но потомъ, въ засѣданіи 23 Марта, „имѣла иное разсужденіе“. Въ виду того, что „вѣрнаго свѣдѣнія нѣтъ“ о томъ, когда „начнутся стройкою“ тѣ казармы, „по не отводу отъ Астраханскаго губернатора д. с. с. Захарова и коменданта князя Урусова удобныхъ подъ нихъ мѣстъ“, да ежели и будутъ отведены мѣста, то врядъ ли

¹⁾ Впослѣдствіи командиръ Преображенскаго полка, участвовавшій въ заговорѣ противъ Павла I.

²⁾ Въ „Дневныхъ запискахъ“ протоіерея Н. Скопина.

³⁾ Не это ли обстоятельство было причиной сильной ненависти Талызина къ Павлу, что онъ явился однимъ изъ главныхъ заговорщиковъ противъ него?

въ два года могутъ быть выстроены зданія, а между тѣмъ городъ долженъ нести расходы и на постройку казармъ и одновременно на наемъ помѣщеній для воинскаго поста, и поэтому „на гражданство неминуемо“ ляжетъ „сугубое отягощеніе“, то, дабы избѣжать двойныхъ поборовъ съ общества, дума постановила: купить у именитаго гражданина Никиты Калустова каменный гостинный, называемый „*Милліонщиковымъ*“ и рядомъ съ нимъ деревянный, бывший купца Волковойникова дома, которые Калустовъ продавалъ за 65,000 руб., для чего поручить городскому головѣ заключить съ владѣльцемъ условіе.

На покупку назначены были деньги, вырученныя отъ бывшихъ на откупѣ у князей Куракиныхъ рыбныхъ промысловъ, и ассигнованная на постройку казармъ сумма. На „обдѣлку“ же и содержаніе сихъ домовъ произвести сборъ: „росписать оный въ два срока... на гражданство самымъ вѣрнымъ и одному противъ другого необходимымъ росчисленіемъ, которыя немедленно собрать“. По приѣмкѣ домовъ, если окажутся въ нихъ „годные къ помѣщенію покои; то въ нихъ немедленно перевести военнотружущихъ и гражданъ отъ поста облегчить“; „неспособные же покои“ „обстроить“ подъ наблюденіемъ городского головы „и потомъ ужъ въ оныя военнотружущихъ помѣстить, однакожъ наблюдая въ семь переводѣ порядокъ: если кто по раскладкѣ внесетъ деньги впередъ, у того „и постояльцевъ свезть всѣхъ, а кто будетъ платить по третямъ, у такихъ и постояльцевъ сводить противъ платежа, дабы всякъ, желая облегчить себя отъ поста, могъ скорѣе положенныя деньги отдавать, исключая изъ сего побора самыхъ бѣдныхъ вдовъ, сиротъ и мѣщанъ...“ „Когда же покупка законнымъ порядкомъ къ концу приведена и обдѣлка совершенно кончится, то о ввѣдѣ военнотружущихъ по узаконеніямъ, равно что высочайшее повелѣніе въ построеніи казармъ Россійскимъ купечествомъ выполнено, дума имѣетъ куда слѣдуетъ учинить донесеніе“.

Казалось бы, что, ради скорѣйшаго исполненія высочайшей воли, мѣстная власть сочувственно отнесется къ затѣи городской думы; однако, вышло наоборотъ. Губернаторъ Захаровъ, по свойственной ему подъяческой привычкѣ все порицать, усмотрѣлъ въ приговорѣ городского общества нарушеніе „правилъ, начертанныхъ въ высочайшемъ о городахъ положеніи“. Придравшись къ тому, что дума составила собраніе „безъ позволенія начальства“ и не донесла ему „о подписаніи горожанами приговора“, а также и на то, что городской голова Сергѣй Сѣдовъ, „не давъ ему ни малѣйшаго свѣдѣнія о началѣ и движеніи сего дѣла, уже заключилъ съ Калустовымъ торгъ, давъ по-

слѣдному въ задатокъ пять тысячъ руб.“, онъ потребоваль къ себѣ составленный обществомъ приговоръ, изъ котораго, „увидѣль нѣкоторыя черты (неизвѣстно только какія), заключающія причину сей таинственности“. Вслѣдствіе этого Захаровъ „предложилъ думѣ учинить новое собраніе“, на которое 4 Апрѣля явился самъ въ сопровожденіи губернскаго прокурора и совѣтника Губернскаго Правленія. Тутъ онъ обратился къ общественникамъ съ вопросомъ:

— Всѣмъ ли вамъ извѣстно о покупкѣ дома для поста военскихъ чиновъ и желаете ли купить оный на „прописанномъ въ приговорѣ основаніи“

Всеобщимъ отвѣтомъ были желаніе и согласіе.

— Истинно, намѣреніе общества благоразумно и не подлежитъ никакому противорѣчію, больше ничего не могъ сказать губернаторъ, но только „не соблюденъ законный порядокъ какъ въ собраніи общества, такъ и въ самой покупкѣ дома“; и „предлагаль“ выборнымъ „средства къ поправленію того положенія, въ коихъ порядокъ закона соблюлъ бы и общественную пользу“.

„На сіе все общество изъявило во-первыхъ, извиненіе, а потомъ благодарность и согласіе привести дѣло въ законный порядокъ новымъ приговоромъ“. Но тому воспротивился городской голова Сѣдовъ, который, по уходѣ губернатора, склонилъ общественниковъ утвердить составленный 23 Марта приговоръ и „остаться при своихъ намѣреніяхъ“.

Узнавъ объ этомъ поступкѣ Сѣдова, Захаровъ „многokrato призывалъ городского голову и нѣкоторыхъ почетныхъ гражданъ“ къ себѣ, „какъ представляль имъ незаконность поступка, склоняль къ поправленію онаго и убѣждалъ къ тому правилами закона. Но при всемъ томъ одинъ голова остался непреклоненъ, отзываясь тѣмъ, что такъ обществу угодно“, а въ томъ, „что собраніе и покупка дома были скрыты“ отъ губернатора, „представляль такія отговорки, которыя доказывали только, что есть въ семъ дѣлѣ чей либо интересъ, или упрямство противостоятъ начальству“, какъ потомъ жаловался Захаровъ генераль-прокурору *).

„Испытавъ такимъ образомъ всѣ средства убѣжденія и не получивъ успѣха“, губернаторъ возвратилъ приговоръ въ Думу и, „не приступая ни къ какому подвигу во огорченіе общества, рѣшилъ обстоятельство сіе предать благоуваженію“ его свѣтлости князя Лопухина,

*) Письмомъ отъ 12 Апрѣля 1799 г., № 735 въ дѣлѣ Астрахан. губерн. архива за тотъ же годъ № 76.

настроивъ и губернскаго прокурора Тарасова донести генераль-прокурору „подробнѣйшія объясненія дѣла“.

„Имѣя данное мнѣ законами право,—говорилъ Захаровъ въ своей жалобѣ,—могъ бы я отослать виновныхъ къ суду; но дабы не явить свѣту, что въ личной моей обидѣ учиняюсь истцемъ и судіею, признаю за приличнѣйшее предать себя защитѣ высшей власти, а поступокъ общества, наипаче же городского головы Сѣдова, правосудному разсмотрѣнію оной“.

На самомъ же дѣлѣ, какъ увѣряетъ современникъ протоіерей Скопинъ, цѣль этой придирки губернатора къ городскому обществу была иная и не имѣвшая въ основѣ отстаиванія существовавшихъ правилъ и узаконеній. Захаровъ „воспылалъ гнѣвомъ на купеческое сословіе потому, что, благодаря этому случаю, хотѣлъ взять съ него себѣ въ даръ 10,000 руб. Какими побужденіями руководствовался онъ въ своихъ дѣйствіяхъ и предпріятіяхъ, мы не знаемъ, ибо слово и сердце у такихъ людей почти всегда не согласны“ (между собой). „Онъ бралъ на себя слишкомъ много и говорилъ такія слова, которыя оказывали въ немъ очень великаго самохвала. Въ городѣ его называли „старымъ подъячимъ“, ибо происходилъ онъ изъ низкихъ людей; но, имѣвши случай научиться приказнымъ дѣламъ, а также и другимъ свѣдѣніямъ, обратилъ сіе въ худую сторону. Одна корысть была предметомъ всѣхъ его начинаній и дѣлъ. Имѣя покровителемъ свояка своего, любимца и гардеробмейстера Государева, графа Кутайсова, онъ не боялся все предпринимать и дѣлать...“ (противозаконно).

Однако не такъ взглянулъ на его происки генераль-прокуроръ Лопухинъ. Въ отвѣтномъ письмѣ своемъ отъ 20 Іюня того же года, князь счелъ обязанностью отозваться: „буде вы, милостивый государь мой, усматриваете, что Городская Дума не повинуется законной власти и выходитъ изъ предѣловъ, ей законами предначертанныхъ, въ такомъ случаѣ имѣете власть отослать присутствующихъ въ оной къ суду по законамъ“.

Но Захаровъ, видимо, не хотѣлъ затѣвать такой огласки, гдѣ онъ могъ бы изъ обвинителя обратиться въ отвѣтчика. Поэтому онъ началъ дѣйствовать, мимо Лопухина, чрезъ Кутайсова, писалъ въ Петербургъ „разные несправедливые доносы“, дѣлалъ различныя злобныя о городскомъ головѣ представленія, „склоняя свои рѣчи къ тому, что онъ (Сѣдовъ) возмущаетъ общество“. „Слѣдствіемъ этого было то, что весь городъ остался въ порицаніи, а голова (въ Декабрѣ 1799 г.) взять въ Петербургъ къ отвѣту“. Въ Мартѣ слѣдующаго года были

потребованы къ Государю Императору еще пять человѣкъ изъ городскихъ депутатовъ Русскихъ и Армянъ. Послѣдніе, впрочемъ, вскорѣ возвратились въ Астрахань, но голову посадили на мѣсяць въ Петербургскую крѣпость „на хлѣбъ и на воду“, и, кромѣ того, „въ прекращеніе ссоръ его велѣно смѣнить“. Захаровъ же, черезъ нѣсколько дней послѣ того, получилъ орденъ Св. Іоанна Іерусалимскаго, неизвѣстно только за это ли событіе или за какія другія подобныя же заслуги...

П. Юдинъ.

УКАЗЪ ПЕТРУ АЛЕКСАНДРОВУ ОТЪ ГРАФА П. Б. ШЕРЕТЕВА.

Просилъ меня графъ Романъ Ларивоновичъ Воронцовъ, чтобы позволено ему было отъ меня ѣздить въ дачахъ Копорскихъ моихъ мызъ съ собаками; но какъ я всегда обязанъ дружбою Романа Ларионыча, ѣздить ему дозволилъ, о чемъ къ нему писалъ, а притомъ послалъ къ тамошнему прикащику и указъ. Того ради тамошнему прикащику подтвердить, чтобы въ силу указа моего онъ бы съ нимъ обходился учтивѣе, а притомъ можетъ быть ему случится въ моихъ мызахъ ночевать, чтобы какое можно ему старался сдѣлать удовольствіе.

Г. Петръ Шереметевъ.

Въ Москвѣ 20 Марта 1777 г.

*

Петръ Александровъ отписываетъ въ отвѣтъ.

Присланное отъ вашего сіятельства письмо его сіятельству графу Роману Ларивоновичу отнесено мною самимъ и вручено персонально сего Марта 25 числа, на что отъ его сіятельства приказано вашему сіятельству отписать нижайшее почтеніе и благодарность. Не оставить же и самъ къ вашему сіятельству писать.

Въ С.-ПБ. 27 Марта 1777 г.

